

СПОРЫ О БАЛКАНСКОЙ ВОЙНЕ НА СТРАНИЦАХ «АННЫ КАРЕНИНОЙ»

Как известно, в восьмой части «Анны Карениной» Толстой запечатлел довольно нестандартное для того времени отношение к Балканской войне. Редактор «Русского вестника», в котором печатался роман, М. Н. Катков отказался публиковать эту часть именно из-за выраженного в ней скептического отношения Толстого к панславистским настроениям. В то же время в контексте самого романа отношение это выглядит вполне продуманным и обладает большой художественной убедительностью. Толстой долго не мог приступить к работе над последней частью «Анны Карениной», и именно Балканская война и размышления над «славянским вопросом» дали ему ключ к развязке всего романа.¹

Восьмая часть «Анны Карениной» начинается страницами, посвященными Сергею Ивановичу Кознышеву и неудаче его долго писавшейся книги: «Сергей Иванович был умен, образован, здоров, деятелен и не знал, куда употребить всю свою деятельность. Разговоры в гостиных, съездах, собраниях, комитетах, везде, где можно было говорить, занимали часть его времени; но он, давнишний городской житель, не позволял себе уходить всему в разговоры, как это делал его неопытный брат, когда бывал в Москве; оставалось еще много досуга и умственных сил.

На его счастье, в это самое тяжелое для него по причине неудачи его книги время на смену вопросов иноверцев, Американских друзей, самарского голода, выставки, спиритизма, стал Славянский вопрос, прежде только тлевшийся в обществе, и Сергей Иванович, и прежде бывший одним из возбuditелей этого вопроса, весь отдался ему.

В среде людей, к которым принадлежал Сергей Иванович, в это время ни о чем другом не говорили и не писали, как о Славянском вопросе и Сербской войне. Все то, что делает обыкновенно праздная толпа, убивая время, делалось теперь в пользу Славян. Балы, концерты, обеды, спичи, дамские наряды, пиво, трактиры — все свидетельствовало о сочувствии к Славянам». ² Затем этот повествовательный мотив: изображение человека, не знающего чем себя занять и потому радостно бросающегося в «Сербскую войну», повторяется в восьмой части «Анны Карениной» не раз. И в эпизоде с Катавасовым и несколькими добровольцами, из которых один оказывается богатым молодым купцом, «промотавшим большое состояние», другой — «человеком, попробовавшим всего», а третий — уже немолодым «юнкером в отставке», не выдержавшим экзамен на артиллериста. И через сознание старичка-военного, жителя уездного городка, которому «хотелось рассказать,

¹ *Жданов В.* Творческая история «Анны Карениной»: Материалы и наблюдения. М., 1957. С. 222—223.

² *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1935. Т. 19. С. 352. Далее ссылки на произведения и письма Л. Н. Толстого даются в тексте по этому изданию с указанием номера тома и страницы арабскими цифрами в скобках.

стианина лишь при том условии, если ответственность начать войну берет на себя «правительство, которое призвано к этому и приводится к войне неизбежно», а «граждане отрекаются от своей личной воли» (19, 387).

Показательно, что Кознышев «не одобрял» возражения, сделанного Левину Катавасовым: «В том-то и штука, батюшка, что могут быть случаи, когда правительство не исполняет воли граждан, и тогда общество заявляет свою волю» (19, 387). Почему? Потому, что в этом случае нечего было бы отвечать Левину, у которого был готов следующий аргумент: «Ему хотелось еще сказать, что если общественное мнение есть непогрешимый судья, то почему революция, коммуна не так же законны, как и движение в пользу Славян?» (19, 392). В черновой редакции романа этот аргумент сформулирован в еще более острой форме: «Теперь Левину хотелось сказать» Кознышеву, с которым он спорил по поводу войны: «за что же ты осуждаешь коммунистов и социалистов? Разве они не укажут злоупотреблений больше и хуже болгарской резни? Разве они и все люди, работавшие в их направлении, не обставят свою деятельность доводами более широкими и разумными, чем сербская война (...) У вас теперь угнетение славян, и у них угнетение половины рода человеческого. И если общественное мнение — непогрешимый судья, то оно часто склонялось и в эту сторону (...)» (20, 572).⁸

Отъезд на войну Вронского вызывает сочувствие со стороны нескольких героев. Так, княгиня замечает в связи с этим о Вронском: «Я никогда не любила его. Но это выкупает многое. Он не только едет, но эскадрон ведет на свой счет» (19, 355). А. Л. Шемякин комментирует этот отзыв следующим образом: «И нам почему-то кажется, что слова Ее Сиятельства окрашены авторским настроением».⁹ Возможно, он не совсем прав. Однако, так или иначе, сочувствие эта новость вызывает и у Левина, который о Вронском, едущем в Сербию, замечает: «Это ему идет» (19, 386). Так что идея Конст. Леонтьева противопоставить графа Вронского графу Толстому,¹⁰ по-видимому, все же хотя бы отчасти внушена самим Толстым, изобразившим своего героя в последней части «Анны Карениной», где разоблачается всеобщий патристический подъем, если не с сочувствием, то вполне достойно.

Ясно, что Вронский, как и многие другие, едет на войну просто потому, что это лучшее, что он может сделать в сложившейся ситуации. Он и сам не пытается представить свои мотивы как-то иначе, прямо объясняя свой отъезд в Сербию отчаянием («Я рад тому, что есть за что отдать мою жизнь, которая мне не то что не нужна, но постыла» — 19, 361). В то же время, как отметил А. Л. Шемякин, «источая неприкрытый сарказм при описании путешествия добровольцев (что постоянно «прикладывались к фляжке дорогой»), автор не проронил ни слова насмешки в адрес Вронского. Он даже едет как-то подчеркнuto сепаратно, в отдельном купе, демонстрируя свою полную отстраненность — причем не только от новых „соратников“, но и от писателя с его отношением к ним».¹¹

На фоне фразера Кознышева Вронский, с грустной иронией отказывающийся от рекомендательного письма к лидерам сербской армии: «Нет, благодарю вас; для того чтоб умереть, не нужно рекомендаций. Нешто к Туркам... — сказал он, улыбнувшись одним ртом» (19, 361) — явно обрисован в более выгодном свете. Глядя на рельсы, невольно напомнившие ему об

⁸ См. также: *Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., 1963. С. 368.

⁹ *Шемякин А. Л.* Смерть графа Вронского. М., 2002. С. 49.

¹⁰ В статье из «Записок отшельника» «Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой» (*Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2007. Т. 8. Кн. 1. С. 297—315).

¹¹ *Шемякин А. Л.* Указ. соч. С. 49.

ужасной смерти Анны, Вронский не может сдерживать рыданий. Хотя то, что он погибнет в Сербии, вовсе не факт, все же финал романа придает ему черты сходства с пушкинским Сильвио, о котором в концовке «Выстрела» сообщается: «Сказывают, что Сильвио, во время возмущения Александра Испиланти, предводительствовал отрядом эгеристов и был убит в сражении под Скулянами»,¹² т. е. в борьбе за свободу Греции. Наконец, несмотря на все свое отрицательное отношение к Балканской войне, Толстой, когда русские одно время терпели на Балканах неудачи, порывался вступить в действующую армию, и его с трудом удалось удержать.¹³ Того, что на месте Вронского Толстой мог и в определенный момент хотел оказаться сам, никак нельзя сбрасывать со счетов.

Как видим, в Толстом была не только львиная доля Левина, но и частичка Вронского. Следовательно, Достоевский в «Дневнике писателя» в вопросе о Балканской войне спорит все же не столько с Толстым, сколько с Константином Левиным и старым князем Щербацким — т. е. с позицией отдельных героев, вовсе не обязательно полностью совпадающей с авторской. Довольно часто скрыто пародировавший в своем творчестве Толстого (чего до настоящего времени почти совершенно не замечают исследователи), Достоевский пытается открыто пародировать Толстого и в «Дневнике писателя». Однако выходит у него все же пародия не на Толстого, а на Левина — как, например, в известной сцене, в которой Левин не решается заколоть «турку» и спасти ребенка, а вместо этого уходит к Кити.¹⁴

Как отметил И. Л. Волгин, «в идеологическом комплексе „Дневника писателя“ восточный вопрос занимает особое место. Это тот идейно-композиционный стержень, который пронизывает большинство выпусков „Дневника“ и вокруг которого в той или иной степени группируются почти все остальные части издания».¹⁵ Пытаясь кардинально противопоставить позицию Достоевского официальной позиции правительства, исследователь напоминает о том, что «весной и летом 1876 г. правительственные круги предпочитали сохранять в славянском вопросе известную сдержанность».¹⁶ Тем не менее после царского Манифеста с объявлением войны эта сдержанность моментально исчезла. И пусть утопическая концепция Достоевского, заключающаяся в том, что историческая миссия России есть «жертва, потребность жертвы даже собою за братьев», с тем чтобы «основать вперед великое всеславянское единение, во имя Христовой истины, т. е. на пользу, любовь и службу всему человечеству, на защиту всех слабых и угнетенных в мире»,¹⁷ действительно не имела ничего общего с идеологией правительства, однако панславистская демагогия, к которой прибегала официозная печать для оправдания этой войны, безусловно, роднит ее с утопической программой Достоевского. Если эта программа не совпадает, то и вовсе не противоречит государственной идеологии и правительственной политике.

¹² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1978. Т. 6. С. 69.

¹³ Журналист суворинского «Нового времени» Алексей Ксюнин, побывав в Ясной Поляне сразу после похорон Толстого, записал разговор с вдовой: « — Вы, вероятно, не знаете, — говорит Софья Андреевна, — ведь Лев Николаевич хотел идти в ряды армии в турецкую войну. „Вся Россия там, я должен идти“. — Каких только трудов стоило уговорить его остаться, объяснить, что своим пером он может принести большую пользу России...» (Ксюнин А. Уход Толстого. СПб., 1911. С. 36).

¹⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 220.

¹⁵ Волгин И. Л. Нравственные основы публицистики Достоевского («Восточный вопрос в «Дневнике писателя») // Известия Академии наук СССР. Сер. лит. и яз. Л., 1971. Т. XXX. С. 312.

¹⁶ Там же. С. 314.

¹⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 111.

Утопическая программа Достоевского по восточному вопросу представляет собой вариант позднеславянофильско-почвеннической доктрины. Как показали А. В. Ефремов, Анджей де Лазари, Л. И. Сараскина и И. Ф. Прийма,¹⁸ эта позиция строилась в значительной степени как коррекция философско-исторической концепции Н. Я. Данилевского. Свой панславизм Достоевский обосновывает не принадлежностью славянских народов к одному культурно-историческому типу, а приверженностью большинства из них к православию. Для автора «Дневника писателя» в восточном вопросе «не славянство, не славизм сущность, а православие».¹⁹

Б. М. Эйхенбаум находил в «Войне и мире» немало общего с «Россией и Европой» Н. Я. Данилевского.²⁰ Отношение Толстого к Данилевскому, как оно выражено в «Анне Карениной», уже весьма критично. К. А. Жуков небезосновательно отметил некоторое сходство в изображении Сергея Ивановича Кознышева с Данилевским: «Например, о книге „Опыт обзора основ и форм государственности в Европе и в России” сообщается, что ее появление было встречено гробовым молчанием. На наш взгляд, есть основания видеть в этом эпизоде определенную параллель с тем, что первое отдельное издание книги Н. Я. Данилевского „Россия и Европа” (1871 г.) не имело никакого успеха „в обществе”, причем — не только по выходе в свет, но и в последующие годы: 1200 экземпляров этого издания были распроданы лишь через 15 лет».²¹ Это сходство могло бы показаться случайным, если бы не сходство заглавий: «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» и «Опыт обзора основ и форм государственности в Европе и в России» (курсив мой. — С. К.).

В то же время, как показано в статье Г. Абе и К. А. Жукова, одним из прототипов Голенищева, которого Вронский встречает в Италии и который сообщает тому, что пишет «вторую часть *Двух Начал*» и что «у нас, в России, не хотят понять, что мы наследники Византии» (19, 29), был К. Н. Леонтьев. Исследователи весьма обоснованно предполагают, что речь здесь идет о труде Леонтьева «Византизм и славянство».²² К этому можно добавить, что фамилия персонажа «Голенищев» почти целиком анаграмматична по отношению к: «Константин Леонтьев».²³

¹⁸ Ефремов А. В. Данилевский и Достоевский. Футурология панславизма и национальный мессанизм // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М., 2003. С. 61—82; Лазари А. де. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. М., 2004. С. 93—101; Сараскина Л. Идеальный парадокс о славянской цивилизации и Константинополе. Версии Достоевского и Данилевского // Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына). М., 2006. С. 95—117; Прийма И. Ф. Европа и южные славяне в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Цивилизационный процесс и взаимодействие национальных культур в Европе: место и роль славянства. Материалы Международной научной конференции 30 мая 2006 года. СПб., 2006. С. 69—75.

¹⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 313.

²⁰ Эйхенбаум Б. М. Очередные проблемы изучения Л. Толстого // Ленинградский государственный орден Ленина университет. 1819—1944. Труды юбилейной научной сессии. Л., 1946. С. 281—283.

²¹ Жуков К. А. Восточный вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева. СПб., 2006. С. 102. Впрочем, К. Н. Леонтьев сопоставлял Кознышева с другим деятелем славянофильства: «в эпилоге Кознышев играет столь же активную роль, как Ив. С. Аксаков, когда генерал Черняев совершал свои военные подвиги в Сербии» (Леонтьев К. Н. Анализ, стиль и веяние // Полн. собр. соч. и писем. Т. 8. Кн. 1. С. 297—315).

²² Abe Gunji, Zhukov Konstantin. On the roots of Eurasianism: the epilogue of Leo Tolstoy's «Anna Karenina» and «Byzantinism and Slavdom» of Konstantin Leontiev // Studies in Language and Culture (University of Tsukuba). 2000. № 52. January 10. P. 253.

²³ Ср. свидетельство самого Толстого: «Я часто пишу с натуры. Прежде даже и фамилии героев писал в черновых работах настоящие, чтобы яснее представлять себе то лицо, с которого я писал. И переменял фамилии, уже заканчивая отделку рассказа...» (цит. по: Жданов В. Твор-

Далее Г. Абе и К. А. Жуков ставят вопрос о том, когда Толстой мог познакомиться с «Византизмом и славянством»: «„Итальянские главы” романа были напечатаны в апрельском номере „Русского вестника” за 1876 г. Известно, что Толстой работал над ними в Ясной Поляне в марте—апреле 1876 г. „Византизм и славянство” был опубликован в „Чтениях в Обществе истории и древностей российских”, т. 3, в январе 1876 г. или даже позже (том 4 появился не раньше марта 1876 г.).²⁴ (...) Существует, следовательно, только слабая теоретическая возможность, что Толстой видел „Византизм и славянство” в печати, работая над итальянскими главами романа „Анна Каренина” в апреле и вообще когда-либо. Представляется более вероятным, что Толстого заставил вспомнить одну из многочисленных его бесед с Павлом Голохвастовым в Ясной Поляне в конце августа 1874 г. леонтьевский „Одиссей”. В самом деле, одна из этих бесед могла быть размышлением о двух принципах, „византизме и славянстве”, из очерка Константина Леонтьева, и о самом его авторе».²⁵

Однако был ли Толстой знаком с «Византизмом и славянством» в период написания «итальянских глав» «Анны Карениной», в которых изображен Голенищев, не так уж существенно. Гораздо важнее, был ли он знаком с ним во время работы над восьмой частью романа. А вот эта вероятность чрезвычайно велика. И она в гораздо большей степени, чем какие-либо другие обстоятельства, подтверждает общий вывод исследователей: «можно с уверенностью утверждать, что связь между идеями Леонтьева о „нашем болгаробесии”, с одной стороны, и взглядом Толстого на „сербское безумие”, которое существовало в России накануне войны с Турцией, была. Оба выражения принадлежат соответственно Леонтьеву и Толстому. Само собой разумеется, что Толстой ни в коем случае не усвоил круг идей, выраженных в „Византизме и славянстве” Леонтьева. Но в этом конкретном случае можно видеть общее настроение, которое объединило их обоих. И умонастроением, вполне неблагоприятным по отношению к панславизму, Толстой мог быть обязан Леонтьеву. Очевидно, что такая эмоциональная основа могла способствовать выработке его собственных оригинальных, хотя внешне весьма сходных, идей. Важно то, что Толстой имел возможность ознакомиться с леонтьевской критикой славянофильства в период работы над восьмой частью „Анны Карениной”, и, таким образом, резкая непримиримость Левина по славянскому вопросу, по-видимому, находила свои основания не в последнюю очередь в антагонистической по отношению к общему мнению позиции Леонтьева».²⁶ Получается любопытная общая картина. Идеиные расхождения авторов «Дневника писателя» и «Анны Карениной» предопределены в значительной степени историсофскими основами их сочинений: если в первом случае это преимущественно Данилевский, то во втором отчасти Леонтьев.

ческая история «Анны Карениной»: Материалы и наблюдения. М., 1957. С. 239). См. также: Жуков К. А. Указ. соч. С. 104—105.

²⁴ Ср.: Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем. Т. 7. Кн. 2. С. 663.

²⁵ Abe Gunji, Zhukov Konstantin. Op. cit. P. 258.

²⁶ Ibid. P. 261.